

Жуань Ланьчжу выбрал именно того сельчанина, которого они уже расспрашивали в прошлый раз. Когда их группа вошла во двор, супружеская пара как раз сидела у входа, шелуша кукурузные початки.

Увидев, как к ним в дом гурьбой вваливается столько людей, мужчина поднял голову и остолбенел. Его круглое, как у панды, лицо и черные глаза-бусинки выражали полное смятение.

— Вы... вы... — пробормотал он.

Поднявшись, он узнал парней, которые раньше задавали ему вопросы. Особенно его впечатлил тот, что посветлее, с мягкой улыбкой.

— Почему вы снова пришли?

— Здравствуйте, дядя! Поели уже? — Лин Цзюши, не теряя своего располагающего к себе вида, сам придвинул два стула.

Он сел рядом с мужчиной, усадил Жуань Ланьчжу и тоже взялся за початок кукурузы.

Мужчина пребывал в таком замешательстве, что не сразу нашелся с ответом:

— Поели, поели... А вы? Нет, постойте, зачем вы вообще пришли?

— Дядя, не стоит так нервничать, — Жуань Ланьчжу улыбнулся, выглядя даже безобиднее Лин Цзюши. — Мы просто хотим задать пару вопросов и сразу уйдем.

— О чем вы хотите спросить?

Сюн Ци, которому не хватило стула, задал вопрос стоя:

— В каких отношениях Старейшина рода состоит с хозяйкой гостиницы?

Услышав это, мужчина отвел взгляд и вместо ответа спросил:

— Разве не Старейшина нанял вас, чтобы вы разобрались с проблемой? Неужели он вам ничего не сказал?

Сяо Кэ покачал головой. Мужчина снова принялся за кукурузу:

— Тогда я тоже ничего не знаю. Если хотите узнать больше, идите и спрашивайте у него самого.

— Если бы Старейшина хотел нам рассказать, мы бы не пришли к вам, — Лин Цзюши с самым искренним видом подался вперед и добавил с ноткой глубокого сожаления: — Дядя, разве вы не хотите, чтобы все это поскорее закончилось, чтобы вы могли вернуться к нормальной жизни?

Руки мужчины замерли, он отбросил початок:

— Это невозможно исправить. Даже если рассказать — ничего не изменится.

Жуань Ланьчжу призадумался, достал телефон, снова открыл ту самую фотографию и показал мужчине:

— Кто эта девочка рядом с хозяйкой и Старейшиной?

Ветер усилился, повалил снег. Мужчина отвернулся, вытер уголок глаза и прошептал:

— Сяо Цзю. Ее зовут Сяо Цзю.

Вокруг воцарилась тишина. Лишь голос мужчины, погружаясь в воспоминания о той самой ночи, нарушал покой:

— Это тоже была такая же снежная ночь. В нашей деревне постоянно случались набеги волков. Не знаю, что произошло, но если раньше приходили лишь одиночки, то в ту ночь явилась целая стая, а с ними — вожак. Первым нападение заметил холостяк с восточного края деревни. Он пошел к соседям за кунжутным маслом и увидел, как вожак пожирает живот соседского ребенка. Боже мой, он был выше и мощнее наших деревенских быков. Семья из четырех человек даже вскрикнуть не успела, как их внутренности были выпотрошены. Холостяк в ужасе бросился в деревню, подавая сигнал, а стая — следом за ним. Мы так перепугались, что не успели добраться до своих колодцев, а побежали к дому Старейшины. Все были в панике, в суматохе спуск в колодец превратился в хаос. У Сяо Цзю была любимая игрушка — калейдоскоп, который Старейшина сделал для нее своими руками. И надо же было такому случиться, что в этой неразберихе калейдоскоп выкатился наружу. Она обернулась, чтобы поднять его, и тут появились волки. Я не Старейшина, но знаю, что в тот момент перед ним стоял самый мучительный выбор: спасти одного человека, свою дочь Сяо Цзю, или выбрать весь род, с которым его не связывали кровные узы. Если бы он бросился спасать Сяо Цзю, волки, лишившись добычи, несомненно, погнались бы за нами, и тогда никто бы не выжил. Если бы не спасать — она хоть на какое-то время задержала бы стаю, дав нам возможность спрятаться в колодце. Так и вышло. Волки утащили Сяо Цзю. Старейшина и его жена хотели броситься в погоню, но мы их удержали. С тех пор волки в деревне больше не появлялись. Но люди говорят: Сяо Цзю спасла весь род, так что это стоило того.

Слушая эту историю во второй раз, Лин Цзюши все еще кипел от гнева:

— Вы бросили Сяо Цзю на растерзание волкам, а выжив, обсуждаете, стоила ли ее смерть того? Вы вообще люди?

Мужчина с круглым лицом опустил голову и замолчал. Сюн Ци вздохнул и спросил:

— А каковы сейчас отношения между хозяйкой и Старейшиной?

— Да какие там отношения... — мужчина нервно тер кукурузные зерна. — Сяо Цзю теперь стала монстром. Ни живая, ни мертвая. Хозяйка больше не хочет видеть Старейшину, открыла гостиницу, чтобы принимать таких, как вы, Входящих в Двери. Эх, Старейшине в эти годы тоже пришлось несладко. Он часто говорит нам: как только уладит дела в роду, покончит с собой, чтобы быть с дочерью и искупить вину смертью.

— Значит, — заключил Жуань Ланьчжу, — этот гроб Старейшина приготовил для себя?

Мужчина кивнул. Сюн Ци нахмурился:

— Вы знали и не остановили его?

— Вот именно, — подхватил Сяо Кэ. — Когда он хотел спасти дочь, вы его удержали, а теперь, когда он хочет покончить с собой, вам все равно?

Мужчина хранил молчание, а затем тяжело вздохнул:

— Смерть Сяо Цзю — это мой вечный стыд. К чему заставлять Старейшину жить, если для него это хуже смерти?

— Легко сказать, — Лин Цзюши усмехнулся, его слова резали, как нож. — На словах вы полны раскаяния, но кто из вас в глубине души действительно считает, что вы поступили неправильно? Вы с чистой совестью пользуетесь безопасностью, которую купила смерть Сяо Цзю, и молчите об этом, надеясь, что если не вспоминать, то все как будто и не происходило, и на душе станет легче?

Мужчина опустил голову, его голос дрогнул, казалось, он вот-вот заплачет:

— А что нам оставалось делать? Все уже случилось, жалеть теперь бесполезно.

— Кто сказал, что бесполезно? — спокойно произнес Жуань Ланьчжу. Он пролистал фотографии на телефоне и показал мужчине другой снимок.

— Что это?

Мужчина взял телефон. На фото был набросок, сделанный на глиняной стене.

— Это то самое подземелье, где вы прятались от волков, — сказал Жуань Ланьчжу. — То есть колодец.

— Колодец? Это... это...

Мужчина побледнел и в ужасе уставился на Жуань Ланьчжу. Тот кивнул, убирая телефон:

— Это Сяо Цзю, которую вы называете монстром, нарисовала сама на стене. Как думаешь, если бы она полностью утратила человеческий разум, смогла бы она создать такой рисунок? Дядя, — Лин Цзюши тоже встал и похлопал мужчину по плечу, — хорошенько подумай. И лучше передай другим, чтобы тоже подумали. Подумайте, не должны ли вы Сяо Цзю слова благодарности и извинения.

Получив всю информацию, шестеро ушли, оставив мужчину сидеть во дворе — он так и просидел там, глядя в одну точку, до самой темноты.

По пути к гостинице Сюн Ци с сомнением спросил Жуань Ланьчжу:

— Жуань Байцзе, когда ты успел спуститься в колодец?

— Да, — добавил Сяо Кэ, — и этот монстр, Сяо Цзю, она ведь там, как она позволила тебе так свободно ходить?

— Важно ли, когда я туда зашел? — ответил Жуань Ланьчжу. — Главное, что теперь вы знаете правду.

— Но даже зная это, что толку? — Сяо Кэ развел руками. — Ключ мы нашли, а Дверь — нет. В этой истории про Дверь ничего не сказано.

Лин Цзюши взглянул на Жуань Ланьчжу. Он знал: Дверь находится в подземелье.

— Чего вы торопитесь? — даже не обернувшись, бросил Жуань Ланьчжу, глядя на гостиницу. — Как только мы разберемся с делом Сяо Цзю, Дверь сама появится.

Сяо Кэ разинул рот:

— А? Ты не слишком размечтался? Ты...

— А-а-а!

Как только они подошли к дверям гостиницы, сзади раздался пронзительный крик. Все обернулись: Чэн Вэнь с топором гнался за Ван Сяои, и этот крик означал, что он попал ей по правой руке.

— Опять этот ублюдок, — выругался Сюн Ци.

Он бросился вперед и оттащил Ван Сяои. Девушка плакала, ее зрачки дрожали от ужаса, а кровь из раны на руке капала на снег, окрашивая его в алый.

Чэн Вэнь, словно взбесившийся пес, размахивал топором, не подпуская Сюн Ци к себе.

— Она не человек! Она должна умереть! Я убью ее! Убью! А ты, тупоголовый громила, проваливай! Думаешь, я тебя боюсь?!

Сяо Кэ поспешил увести Ван Сяои подальше от места схватки. Сюн Ци не мог подобраться к Чэн Вэню из-за хаотичных взмахов топора, и в итоге этот безумец прорвался и снова бросился в погоню за Ван Сяои.

— Я убью тебя! А!

Когда Чэн Вэнь пробежал мимо Лин Цзюши и Жуань Ланьчжу, последний одним ударом ноги сбил его с ног, и тот, пролетев по воздуху, врезался в дерево.

Чэн Вэнь лежал на земле, бледный как полотно, не в силах подняться от боли в позвоночнике. Вдруг над ним нависла тень. Он поднял голову и встретился взглядом с ледяным лицом Жуань Ланьчжу.

Жуань Ланьчжу схватил его за запястье, отобрал топор и приставил лезвие к горлу Чэн Вэня. Холодный металл заставил кожу мужчины покрыться мурашками.

— У меня всегда был один вопрос, надеюсь, ты сможешь на него ответить.

Чэн Вэнь дрожал, запинаясь, но пытался сохранить самообладание:

— Ка... какой вопрос?

— Ты сказал, что Ван Сяои — не живой человек, верно?

Чэн Вэнь, словно получив заряд энергии, уверенно выпалил:

— Она не живая! Я сам видел ее труп в снегу! Она давно мертва!

— О? — Жуань Ланьчжу усмехнулся с издевкой. — Ты с такой уверенностью утверждаешь, что она мертва, но при этом кричишь, что сегодня непременно должен ее убить. Скажи мне, как можно убить того, кто уже мертв?

Вопрос поставил Чэн Вэня в тупик. Он долго соображал, прежде чем пробормотать:

— Потому что... потому что в нее вселился монстр! Да, точно, в ней монстр! Она — Ван Сяои, в которую превратился монстр, съевший Чжан Цзышуана и других! Это вовсе не...

— Абсурд, — Лин Цзюши, стоявший за спиной Жуань Ланьчжу, свысока посмотрел на Чэн Вэня. — Если она — иллюзия монстра из Двери, какой смысл ее убивать? Она могла бы сожрать тебя еще прошлой ночью, зачем ей бежать и просить о помощи?

— Вот именно, я тоже об этом подумал, — Жуань Ланьчжу похлопал плашмя топором по щеке Чэн Вэня. — Скажи, «обычный уверенный в себе мужчина», откуда у тебя такая вера, что ты кухонным топором сможешь ранить или убить Божество Двери, которое погубило шестерых? Или дело в том, что тебе плевать, Ван Сяои это или нет? Ты просто хочешь убить того, кто слабее тебя, чтобы принести чью-то жизнь в жертву монстру и получить шанс на безопасный выход?

Получив один за другим несколько ударов по самолюбию, да еще и страдая от боли в спине, Чэн Вэнь окончательно сник и безвольно растянулся на земле.

Жуань Ланьчжу, прихватив топор, поднялся, и они с Лин Цзюши вошли в гостиницу. Сюн Ци, бросив на лежащего Чэн Вэня взгляд, тоже молча последовал за ними под обеспокоенным взглядом Сяо Кэ.

Хозяйка стояла у входа, наблюдая за окончанием этого фарса. Увидев, что все вошли, она одарила лежащего на земле Чэн Вэня обманчиво ласковой улыбкой и направилась к нему.

<http://bllate.org/book/20699/2068586>